

Гісторыя

СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ПОДВИНЬЯ В УСЛОВИЯХ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ

канд. ист. наук, доц. Е.А. ГРЕБЕНЬ

(Белорусский государственный аграрный технический университет, Минск)

На основе материалов Государственного архива Витебской области рассматривается положение сельского населения в условиях нацистской оккупации в годы Великой Отечественной войны на примере Полоцкого района.

Введение. Изучение нацистского оккупационного режима на региональном уровне способствует выявлению локальных особенностей и общих моментов функционирования нацистского оккупационного режима. Характеризуя комплекс источников по истории Подвинья периода нацистской оккупации, следует отметить, что документы оккупационного периода относительно ряда районов региона сохранились фрагментарно. Например, фонды Государственного архива Витебской области, относящиеся к Полоцкому району, представлены только документами Экиманской волостной управы (ф. 2823, оп. 1, ед.хр. 1 – 4) и Полоцкой районной управы (ф. 2825, оп. 1, ед. хр. 1). Сохранился небольшой комплекс документов по Борковичской (ф. 2833, оп.1, ед. хр. 1 – 2) и Луночарской (ф. 2834, оп. 1, ед. хр. 1) волостям Дриссенского (Верхнедвинского) района. Однако, несмотря на достаточно компактный и фрагментарный материал, сохранившиеся документы дают возможность реконструировать отдельные аспекты жизни и быта населения Подвинья в период нацистской оккупации.

Основная часть. Документы коллаборационной администрации дают представление о численности населения. На 1. 01. 1942 г. на территории Экиманской волости насчитывалось детей до 8 лет – 695, 9 – 15 лет – 535, старше 16 лет – 674 мужчины и 1 049 женщин, всего 2 953 чел. [1, л. 1]. На 25. 06. 1943 г. здесь же насчитывалось детей до 12 лет – 711, от 12 до 14 лет – 103, старше 14 лет – 605 мужчин и 790 женщин, всего 2 209 чел. [2, л. 46]. Сокращение численности населения (при условии, что статистические данные точны) можно объяснить начавшейся весной 1942 г. мобилизацией гражданского населения на принудительные работы в Германию, гибелью вследствие немецкой политики геноцида и увеличением естественной убыли населения в результате ухудшения санитарно-эпидемиологической ситуации и дефицита продовольствия.

В процессе выдачи свидетельств о браке, рождении или смерти лицам, внесенных в акты гражданского состояния, уничтоженные во время боевых действий, требовалось выдавать просимые документы лишь в тех случаях, когда граждане могли бы подтвердить заявленную документально или через свидетельские показания. За выдачу документов взимался сбор в размере 5 – 100 руб. в зависимости от сложности и затраты рабочего времени чиновником местной администрации [2, л. 45].

Всем жителям начиная, с 12 лет, выдавались удостоверения личности [3, л. 21]. На основании распоряжения немецких властей при регистрации браков жене присваивалась фамилия мужа; допускалось вступление в брак мужчин с 18 лет и женщин с 16 лет. Запрещались браки с евреями; венчание в церкви допускалось только после регистрации брака органами коллаборационной администрации. В начальный период оккупации разводы запрещались категорически [3, л. 16]. Впоследствии, ориентировочно с января 1942 г. они были разрешены. За развод взималась госпошлина в размере 100 руб. с рабочих и служащих, чей доход не превышал 500 руб. и с лиц, занимающихся сельским хозяйством, с граждан с доходом в 500 – 1000 руб. взималась пошлина 200 руб., более 1000 руб. – пошлина составляла 300 руб. [3, л. 15]. Регистрацию актов гражданского состояния в сельской местности производил волостной бургомистр или секретарь волостной управы [3, л. 18]. На основании Постановления немецкого командования о временном порядке регистрации актов гражданского состояния запрещалось вступать в брак с приезжими, пока их благонадежность не будет установлена ортскомендатурой [3, л. 140]. Статистика бракосочетаний, рождений и смертей по волости не сохранилась, есть лишь отдельные разрозненные сведения. Например, с 1. 05. 1943 г. по 1. 09. 1943 г. по Экиманской волости в брак вступили 6 пар [2, л. 182].

Уменьшение численности местного населения несколько компенсировалось за счет миграций на оккупированных территориях. Уже в начале 1942 г. на территории Полоцкого района стали расселяться беженцы (гражданское население, эвакуированное немецкими властями из прифронтовых районов или партизанских зон) [1, л. 12]. В то же время перемещение гражданского населения было существенно ограничено оккупационными властями. Разрешалось перемещение граждан только в пределах своей волостной управы, для поездок за пределы волости необходимо было получать разрешение ортскомендатуры, а поездка туда осуществлялась только с санкции волостного бургомистра [3, л. 22].

Война и оккупация привела к резкому ухудшению материального положения гражданского населения; многие граждане лишились домов и имущества. Обнищавшее население апеллировало к местной администрации с просьбой о помощи. Так, в Борковичскую волостную управу 27. 10. 1941 г. обратился гражданин Б., заявивший, что в ходе боев летом 1941 г. сгорел его дом, семья из восьми человек ютится в бане, и просил выделить лес на постройку дома [4, л. 1]. Другой гражданин 28. 10. 1941 г. просил волостную управу передать ему два общественных амбара для отстройки сгоревшего дома [4, л. 5]. В ответ на просьбу гражданки Л. оказать ей помощь (сгорел дом и все имущество) 8. 11. 1941 г. волостной бургомистр рекомендовал выделить по возможности что-либо из собранного сельской администрацией имущества [4, л. 3, 3 об.]. Борковичский волостной бургомистр 16. 03. 1942 г. отказал в просьбе граждан снять с них продналог, хотя просители заявляли о своем бедственном материальном положении (вынуждены были покупать корма для лошадей) [4, л. 81, 81 об.].

Отдельные граждане могли требовать от общин выплаты положенных им продуктов в счет отработанных ранее в колхозе трудодней. Например, гражданка К. просила бургомистра Борковичской волости возвратить ей недополученные 310 кг картофеля в счет отработанных трудодней. Прошение было переадресовано Дриссенской районной управе, но вернулось назад с резолюцией «на усмотрение волостной управы» [4, л. 12, 12 об.].

Нуждающиеся граждане могли просить местную администрацию выдать им скот из общинного стада или закрепить в собственность полученный ранее в пользование. В конкретном случае принималось различное решение. Например, гражданин Р. ходатайствовал перед Борковичской волостной управой о закреплении за ним коровы, выданной немецким комендантом [4, л. 9]. Гражданка К. в августе 1941 г. ходатайствовала перед правлением колхоза «Новая культура» о выдаче коровы, поскольку сгорел ее дом, скот и все имущество, но получила отказ [4, л. 2]. Гражданин К. 1. 09. 1941 г. просил старосту Борковичей о выдаче ему свиньи из общинного стада, поскольку его свинью убили немецкие солдаты, что удостоверяли подписи восьмью свидетелей. Волостной бургомистр приказал старосте отказать в прошении и вплоть до особого распоряжения свиней никому не выдавать [4, л. 10]. 21. 11. 1941 г. в ответ на просьбу гражданина Борковичская волостная управа вынесла положительное решение, вернув ему 5 пудов зерна, конфискованного германской армией [4, л. 25, 25 об.]. В заявлении крестьянина на имя начальника Дриссенской районной управы высказывалась просьба закрепить за ним колхозную корову (погибла жена, двое детей, сгорел дом); прошение было удовлетворено [4, л. 67]. 6. 11. 1941 г. Дриссенская районная управа сообщила заведующему хозяйством «Новая культура», что находившаяся у гражданина Н. корова закреплена за ним в личное пользование на основании решения немецких властей и предписывала исключить ее из общественного стада [4, л. 66].

Конфискация продуктов вермахтом летом – осенью 1941 г. давала крестьянам повод требовать от местной администрации повод снизить или отменить сдачу продналога. Гражданин С. просил Борковичскую волостную управу засчитать ему в счет госпоставок 7 берковцев сена, реквизированных вермахтом, но получил отказ по причине отсутствия доказательств [4, л. 14]. Другой гражданин апеллировал к коменданту Дриссенского района с просьбой снять с него продналог (все имущество сгорело). Решение было передано волостной администрацией на усмотрение сельского старосты, при этом отмечалось, что уменьшение налогов с сельской общины не допустимо, можно только перераспределять их, перекладывая выплаты на тех крестьян, кто в состоянии их производить [4, л. 49].

В рамках введенной оккупационными властями обязательной трудовой повинности сельское население выполняло такие виды работ как рубка и вывоз леса, гужевая повинность, строительные работы. За сельскими общинами также закреплялся определенный участок дороги, который крестьяне были обязаны поддерживать в порядке. Практиковалась также (под личную ответственность старосты) очистка дорог от установленных партизанами мин. Гражданское население должно было обезвреживать мины, используя специальные катки и бороны, что периодически вело к людским жертвам [2, л. 143]. Оккупационные власти требовали от общин подготовить дороги к зимнему сезону. Сельские общины были обязаны отремонтировать или построить снегозащитные сооружения вдоль дорог, расставить двухметровые шесты как указатели проезжей части на случай снежных заносов, заготовить песок, гравий для посыпки дороги, лопаты, кирки, перед наступлением холодов выровнять дорогу боронованием [5, л. 3].

За уклонение от исполнения рудовой повинности следовало наказание. За невыход на работу по заготовке дров 9 крестьян волости на основании распоряжения начальника района от 29. 10. 1943 г. были оштрафованы по 500 руб. каждый [2, л. 179]. В некоторых случаях сельские старосты, злоупотребляя своим положением, освобождали от исполнения трудовой повинности трудоспособных граждан (родственников или односельчан за определенное вознаграждение), постоянно назначая на работу других лиц, иногда нетрудоспособных стариков, которые, в свою очередь, жаловались на дискриминацию начальнику районной управы [6, л. 5].

Осенью 1941 г. вышли первые постановления немецкой оккупационной и коллаборационной администрации относительно порядка содержания скота, которые в дальнейшем дополнялись. Осенью 1941 г. Полоцкая районная управа потребовала от бургомистров собрать весь бесхозный скот и скот, выданный гражданам под охранные расписки (во время эвакуации органов советской власти часть колхозного скота передавалась гражданам), на остальное оставшееся от граждан имущество составить опись и продать с торгов, передав вырученные средства в банк [6, л. 10]. Руководителям хозяйств предписывалось сдать на базу всех непригодных лошадей [7, л. 13]. Самовольный убой домашних животных категорически воспрещался, о чем неоднократно крайсландвирт напоминал коллаборационной администрации. В исключительных случаях (каких именно четко не очерчивалось) с разрешения волостного бургомистра мог быть произведен убой только бычков, коз и свиней (весом не менее 70 кг) при условии обязательной сдачи государству 50 % мяса и шкуры и предоставлении справки от ветврача [2, л. 101].

Тем не менее, распоряжения коллаборационной администрации относительно запрета на убой скота не выполнялись. Весной 1942 г. Полоцкая районная управа констатировала подобные факты, в очередной раз угрожая гражданам изъятием у них скота, как личного, так и переданного в пользование [1, л. 57]. В марте 1942 г. районная управа потребовала от агронома Экиманской волостной управы предоставить списки граждан, убивших молодняк – телят 1942 года рождения и списки граждан, выращивающих телят [1, л. 47].

Полоцкая районная управа требовала от волостных бургомистров к 25.07.1943 г. провести перепись имеющегося в наличии скота, угрожая конфискацией владельцам, скрывшим скот от регистрации. Требовалось также в 14-дневный срок сообщать бургомистру и районной управе о родившемся молодняке. Каждая матка подлежала оплодотворению, если же этого не происходило или она сбрасывала плод, то владелец жи-

Гісторыя

вотного должен был предоставить объяснение произошедшего или показания свидетелей, в противном случае грозило наказание за незаконный убой животного. Всех маток требовалось выращивать, бычков откармливать до осени. Хозяйства были обязаны докладывать бургомистру о поросятах, которых оно не в состоянии вырастить; в этом случае бургомистр по согласованию с земельным управлением мог производить их перераспределение. В случае вынужденного убоя животного мясо и шкура подлежало сдаче в ЦТО. Разрешения на убой скота для граждан планировалось выдавать после 1.10.1943 г.

Любые нарушения порядка содержания или убоя могли повлечь конфискацию скота. Жесткая регламентация в данном вопросе объяснялась населению как «улучшение обеспечения населения продуктами». Местная администрация должна была объяснять крестьянам, что самовольный убой вызовет спекуляцию, которая наносит вред продовольственному обеспечению гражданского населения. Оккупационные власти использовали достаточно спорную аргументацию, поскольку в реальность запрет самостоятельно распоряжаться своим скотом играл на руку именно оккупационной власти, выкачивавшей из крестьян все большие контингенты продуктов [2, л. 90].

При обложении деревень натуральными поставками для вермахта в первую очередь учитывались граждане, получившие скот в результате раздела колхозного поголовья. Так, 12.08.1943 г. крайсландвирт потребовал от бургомистра Экиманской волости собрать в 3-х деревнях 13 коров за счет бывшего колхозного стада. Очевидно, оккупационные власти рассматривали бывшее колхозное имущество как государственную собственность, временно находящуюся в пользовании населения оккупированных территорий [3, л. 151].

Регламентировался также порядок выпаса скота. Разрешалось пасти скот только в местах, безопасных от партизан, на ночь угонять скот в безопасное место [2, л. 30]. Запрещалось также пасти скот вблизи железной дороги. Местное население оповещалось о том, что немецкие часовые будут открывать огонь без предупреждения [2, л. 95].

В годы оккупации резко снизилось поголовье лошадей. Наличие безлошадных хозяйств создавало проблему. Практика закрепления лошади за несколькими хозяйствами одновременно приводила в ряде случаев к злоупотреблениям со стороны владельцев лошадей. Полоцкий районный агроном требовал равномерно распределять лошадей во время сева и угрожал наказанием в виде конфискации лошади тем крестьянам, которые отказывались передавать тягловую силу своим безлошадным соседям или брали за аренду по пуду хлеба или по 1 000 – 1 500 руб. [2, л. 40].

В некоторых случаях лошади могли закрепляться за двумя крестьянами поочередно, что опять-таки приводило к спорам и конфликтам. Начальник Дриссенского района требовал от старост прекратить подобную практику [4, л. 100, 100 об.]. Споры из-за права распоряжаться лошадьми иногда перерастали в драки. Например, 29.10.1942 г. жительница Борковичской волости потребовала от волостного бургомистра принять меры к гражданину И., который не дал ей лошадь для молотбы и избил ее, что подтверждалось справкой из амбулатории. Истица и ответчик были вызваны в волостное правление для разбирательства, дело закончилось мировым соглашением, а ответчику, оказавшемуся заместителем старосты одной из общин, было вынесено предупреждение [4, л. 106 – 109]. О конфликтах из-за права распоряжаться лошадьми в волостное правление могли сигнализировать и сами старосты сельских общин, очевидно, не смогнувшие самостоятельно разрешить спорную ситуацию [4, л. 85].

Владельцы коров были обязаны сдавать молоко. Отдел промышленности Полоцкой районной управы обращал внимание крестьян, что они обязаны сдавать только натуральное, не снятое, свежее молоко. За литр сданного молока гражданам полагалась выплата 70 коп. минус 20 коп. за возвращаемое им снятое молоко [1, л. 32]. В 1943 г. сельские жители Полоцкого района, имеющие коров, были обязаны сдать 550 л. молока с каждого хозяйства. Наибольший объем данного налога приходился на период лета–осени, т.е. когда скот выпасался на лугах или в начале стойлового периода еще хватало кормов, и не начался отел. В этот период хозяйство должно было сдать 400 л., остальные 150 л. необходимо было сдать с 1.01.1944 г. до 31.07.1944 г. Хозяйства служащих полиции, РОА, самообороны также не освобождались от натуральных поставок, но были обязаны сдавать 400 л. двумя равными долями [2, л. 114]. К 1944 г. объем сдаваемого молока увеличился. В Борковичской волости владельцы коров с 1.04. 1944 г. по 1. 08. 1944 г. были обязаны сдавать по 550 л. молока под угрозой изъятия коровы [8, л. 9]. Освобождались от сдачи молока только владельцы тельных коров до момента отела [4, л. 63]. Владельцы домашней птицы (кур) были обязаны в течение сезона сдавать по 30 яиц от каждой курицы за оплату 5 руб. за десяток и 10 руб. за десяток яиц племенных кур для инкубаторов [1, л. 75].

Высокие натуральные налоги, внеплановые реквизиции и грабежи со стороны вермахта и местной полиции, дефицит тяглой силы приводили к острой нехватке продуктов, вынуждая крестьян использовать семенной фонд для питания. В результате под угрозой срыва оказывалась посевная кампания, поэтому оккупационная администрация была вынуждена уже осенью 1942 г. выделять некоторых хозяйствам семенные ссуды для посева озимых и яровых на следующий 1943 г. В августе 1943 г. волостные бургомистры получили распоряжение начальника Полоцкого района взыскать семенную ссуду. Одновременно им поручалось подготовить заявления на выделение ссуды озимой ржи на 1943 – 1944 гг. Тем самым оккупационная администрация предвидела повторение прошлогодней ситуации, когда образовавшийся после уплаты налогов дефицит зерна в крестьянских хозяйствах угрожал срывом посевной кампании на 1944 г., а значит, ставил под угрозу обеспечение продовольствием вермахта [2, л. 123].

Чтобы крестьяне максимально полно выполняли поставки государству продуктов оккупационная администрация ввела систему стимулирующих мер. Так, летом 1942 г. Полоцкий районный отдел заготовки продуктов через волостных бургомистров сообщал сельскому населению, что за сданную крестьянами сельскохозяйственную

продукцію они змогуць прыбываць тавары (веревкі, ведра, деготь і др.) па твёрдым ценам у магазінах Цэнтральнага торговага абшчства «Восток», знаходзіўшыся ў г. Полоцку на базарнай плошчы і на 2-ой Віленскай вуліцы, ці абменьваць лішкі прадуктаў на дэфіцытныя тавары (соль, спічкі) [2, л. 147]. Памімо аплаты за сданную сельскагаспадарчую прадукцыю ў 1943 г. ў Дрысенскім раёне начислялось вызначанае колькасць пунктаў за вызначанае колькасць сданай прадукцыі: 30 яіц – 10 пунктаў, 100 кг ржы, овса, ячменя – 20, 100 кг льносемя – 50, 1 метр льняной ткані – 2 і т.д. За начисленыя пункты абяцалася выдача прадуктаў з магазіна з расцэнта: 10 пунктаў – 1 кг солі, 3 пункта – пачка махоркі, 2 – 1 кг сахара, 1 – коробка спічак [8, л. 1].

Мерай прынуджэння крэстьян к сдачы налогаў служыла рэгламентацыя торгавлі на рынках. Ортскомендант у пісьме к бургамістру Луночарскай волості 12. 09. 1943 г. саабшчаў, што, пачынаючы з 16. 09. 1943 г. крэстьяне, прадаючы сельскагаспадарчую прадукцыю на базары, будуць падвергацца праверцы, паколькі замечана, што торгуюць грамадзяне, не выканалішыя военны збор. У выпадку абнарыжэння такіх асоб віновныя павінны былі наказывацца, а тавар падлежал канфіскацыі [5, л. 9].

Кроме фіксаваных налагаў крэстьяне аблагаліся рэядом дападатных павіннасцей і пабораў. Пэрыядычна ў рэгіёне праводзіўся збор вэчэй для нудж вэрмахта. Першы збор тэплых вэчэй праходзіў ужо зімой 1941 г. ў разгар бітвы пад Масквой. Так, 23. 12. 1941 г. Полоцкая ортскомендатура патрабавала ад волостных бургамістраў да 30. 12. 1941 г. сдаты зімнюю адежду і вэчы ад кожнай волості па 50 пар перчаткаў, 20 пар меховых перчаткаў, 30 меховых пальто, 30 полушубкаў, 20 меховых жывіткаў, 50 меховых шапак, 50 ватных броек, 50 шерстяных шарфаў, 50 пар валенок і 10 пар меховых валенок [3, л. 1]. Вмесю шуб і полушубкаў разрэшалася сдаты авчыны [3, л. 7]. Асенью 1942 г. па Экіманскай волості ў крэстьян было рэквізавана 367,5 кг шерсты 145 меховых полушубкаў, 16 меховых шапак, 25 ватных броек, 100 пар валенок і дрых тэплых прадметаў [3, л. 179]. У іюле 1943 г. раённы сельскагаспадарчы рыводітель трэбаваў ад крэстьян сдаты на склад ЦТО па 500 гр. шерсты з кожнай авцы пад угрозай канфіскацыі жывотнага [2, л. 28].

Крэстьяне прывякаліся к абеспечэнню узнікаў канцлагерэй ужо з самага пачатку акупаванія. Напрыклад, у дэкабры 1941 г. Полоцкая раённая управа на аснованні распаряжэння немэцкіх влады прадпсывала Экіманскай волостнай управе сабраць 21 т картофеля для военнопленных канцлагеря ў Боровухе [7, л. 23]. У акабры 1942 г. раённая управа абратілася к грамадзянам з просьбай пажертвовать адежду для узнікаў дулага [3, л. 168]. Орыентывочно летам 1943 г. Полоцкая раённая управа ініцыявала збор пажертвований для грамадзян, пастрадавших ад бомбэжкі, для чаго прадпсывалася прывячць учытэлей і саауднікаў волостных управ [2, л. 86].

Весной 1943 – 1944 гг. Полоцкая раённая управа абрацалася чэрез сельскіх старост к населенню з просьбай сабраць максымальна возмозжнае колькасць яіц к праздніку Пасхі ў якасць пажертвования дэтям, нахадячымся ў дэадыме, чабы, как атмечалось ў абрацэнні раённай управы, «і ім даць пачувствовать возмозжнасць праздніка св. Пасхі». Ааодновременно волостным бургамістрам і старостам прадлагалось напамніць месчным жытэлям о том, ча дэтям нечаго адевать, і раённая управа будэа благодарна, «если кто-то пожертвует ненужное ему тряпье» [6, л. 23].

Немэцкія влады пэрыядычна іздавалы распаряжэння о сабры аружыя, боепрыпасав і военнай амуныцыі, каторыя следовало сдаты ў ортскомендатуру. Грамадзянам, сдавшым аружыя, абяцалася прэмыя ў вядэ махоркі, водкі і солі. Ліцам, імевшым і не сдавшым аружыя і снаряжэнне, угрозало лішэнне свабоды [2, л. 88 – 89]. Неудачы вэрмахта на фронте і, как следствіе, нехватка амуныцыі, прывела к ізданію ў сэнтэбры 1943 г. распаряжэння немэцкіх влады, абязывавшого месчнае населенне сабраць каскі і шлемы з крестав сааатскіх могіл і сдаты іх ў ортскомендатуру [2, л. 136]. Грамадзянскае населенне прывякалось тааке к сабру дрых страаегічэскіх важных матэрыялаў, напрыклад, проволкаі [2, л. 161].

К сабру імушества, прыобрэтеннага грамадзянамі ў пэрыяд боевых дэяствій (імушество колхозав, частных ліц, саветскай і германскай арміяў) прывякаліся саауднікі поліцыі, ча прыводіло к зловупатрэблэнням з іх сааораны. У 1942 г. Полоцкая гораакая управа канстатывала, ча, по імеючымся свэдэнням, поліцыя ў рэяде волостных управ прыводыт обыскы ў грамадзян, ізымая імушество, дабытае ў пэрыяд военных дэяствій, і прадаэа яго з торгов пры волостных управлэннях, і трэбаваа прадэачы такоаого імушества на склад ў Полоцк [3, л. 11].

Ізучэнне нацысаскага акупаваннага рэжыма на рэгіянальным узрвнэ пазваляэа палучыць абъэктывную карыну повсеаневной жызні сельскаа населення Беларусі, даэа прадставленне аб эффэктывности мэропрыхяіаіа немэцкіх акупаваннаых влады ў Подвынском рэгіёне.

ЛІТАРАТУРА

1. Государственный архив Витебской области. – Ф. 2823. – Оп. 1. – Д. 2.
2. Государственный архив Витебской области. – Ф. 2823. – Оп. 1. – Д. 3.
3. Государственный архив Витебской области. – Ф. 2823. – Оп. 1. – Д. 1.
4. Государственный архив Витебской области. – Ф. 2833. – Оп. 1. – Д. 1.
5. Государственный архив Витебской области. – Ф. 2834. – Оп. 1. – Д. 1.
6. Государственный архив Витебской области. – Ф. 2823. – Оп. 1. – Д. 4.
7. Государственный архив Витебской области. – Ф. 2825. – Оп. 1. – Д. 1.
8. Государственный архив Витебской области. – Ф. 2833. – Оп. 1. – Д. 2.